

Сфера бытовых услуг на юге России в период нацистской оккупации 1941–1943 гг.: состояние и возможности развития¹

¹ Евгений Федорович Кринко

² Татьяна Георгиевна Курбат

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия

344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

Доктор исторических наук

² Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия

344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

младший научный сотрудник

Аннотация. В статье выявлены основные особенности развития сферы бытовых услуг в период нацистской оккупации юга России. Они формировались под воздействием, с одной стороны, политики оккупационных властей, с другой, потребностей в данных услугах самого общества. Провозглашение свободы предпринимательства способствовало развитию системы бытового обслуживания, однако ее сдерживала низкая покупательная способность населения.

Ключевые слова: бытовое обслуживание, Великая Отечественная война, оккупационная политика, сфера услуг, юг России.

УДК 94

Развитие сферы бытовых услуг в период нацистской оккупации относится к малоизвестным вопросам истории Великой Отечественной войны. В советской историографии оккупационный режим сводился к политике насилия, террора и грабежа. Лишь в исследованиях последних десятилетий анализируется социально-экономическая политика оккупантов, повседневная жизнь населения на захваченной территории. Рассматриваются в них и отдельные сюжеты, связанные с работой предприятий бытовой сферы [1]. Тем не менее, особенности ее функционирования в период оккупации юга России пока еще недостаточно изучены, и данная статья является практически первой специальной работой на указанную тему.

Необходимо отметить, что сфера бытовых услуг в СССР относилась к второстепенным отраслям народного хозяйства. Сталинская модернизация экономики была направлена прежде всего на развитие отраслей, от которых зависела обороноспособность страны: тяжелой индустрии, военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов, а в сферу быта средства направлялись в последнюю очередь и в минимальном объеме. Сам труд в ней считался непроизводительным, в отличие от материального производства, призванного создать основу для перехода к коммунизму. В то же время на развитии системы обслуживания населения не могло не сказаться стремление советского государства к установлению жесткого контроля над всеми сферами жизни общества, сопровождавшееся активным внедрением новых форм организации быта и практик проведения досуга трудящихся. Лишь необходимость удовлетворять потребности населения при крайней ограниченности ресурсов позволила сохранить в данной сфере к началу Великой Отечественной войны

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти Юга России» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг.

частные сапожные и часовые мастерские, ателье и парикмахерские, испытывавшие постоянное давление со стороны государства.

Нацистская оккупация привела к серьезным изменениям в развитии сферы услуг в захваченных областях. Рассчитывая на «блицкриг», руководство Третьего рейха первоначально не планировало использовать экономику СССР непосредственно во время войны [2]. В дальнейшем захваченные территории должны были подвергнуться колонизации, сопровождавшейся значительным сокращением численности советского населения, а одним из средств достижения указанной задачи считалось сведение к минимуму его основных жизненных потребностей. Однако срыв планов «молниеносной войны» поставил перед немецким командованием вопросы, связанные с необходимостью ремонта техники, снабжения частей вермахта топливом, продовольствием, предметами первой необходимости, их бытового обустройства. В результате оккупационная политика подверглась существенным коррективам. Особенно показательным представляется состояние сферы бытовых услуг на юге России. Большая часть территории данного региона была оккупирована в конце июля – начале августа 1942 г., а освобождена в январе – феврале 1943 г. Только оккупация Таганрога и нескольких прилегающих к нему районов продолжалась в течение более длительного срока, с октября 1941 г. по август 1943 г.

Основными принципами развития экономики в целом и сферы бытовых услуг в частности на оккупированной территории юга России провозглашались свобода рыночных отношений и предпринимательской деятельности. Уже 5 августа 1942 г. военный комендант Ставрополя в своем приказе сообщал населению: «Разрешаю свободную торговлю товарами, сельскохозяйственными продуктами и прочим... Разрешаю открыть комиссионные магазины, рестораны, столовые, хлебные магазины, ларьки и прочее. Разрешаю открытие кустарных мастерских, парикмахерских, фотографий, портняжных, часовых, ювелирных, сапожных мастерских и прочее» [3]. Данные меры не только позволяли удовлетворить потребности вермахта и местного населения, но и имели пропагандистское значение.

Всем лицам и организациям, желавшим открыть «разного рода торгово-промышленные заведения, мастерские, магазины, ларьки, киоски, а также кустарям-ремесленникам разных специальностей», следовало зарегистрироваться, приобрести патент или регистрационное удостоверение в финансовом отделе городской или районной управы. В ином случае их ожидало наказание в виде штрафа, размеры которого различались, не избавлявшего, впрочем, от последующего приобретения патента. В Абинском районе Краснодарского края штраф составлял пятикратную стоимость патента [4], а в Майкопе имел четко фиксированный размер – 500 руб. [5].

Стоимость самих патентов различалась в зависимости от разряда и вида предпринимательской деятельности. Например, в г. Ессентуки для торговли вводилось пять разрядов патентов: I – рыночная торговля станичными товарами и овощами (200 руб.); II – торговля в ларьках и лавках (500 руб.); III – розничная торговля в комиссионных и продовольственных магазинах, ресторанах и буфетах, содержание от 1 до 10 комнат и танцевальных залов (1 тыс. руб.); IV – торговля среднего размера, содержание биллиардных, кинотеатров, гостиниц с 10 комнатами и более, торговля спиртными напитками (2 тыс. руб.); V – оптовая торговля всеми видами товаров, содержание кабаре, тотализаторов, казино (4 тыс. руб.). Свободно торговать без покупки патента разрешалось при продаже на рынке или в ларьке продукции, выращенной на собственном приусадебном участке, при разовой продаже своих домашних вещей, а также при открытии курсов по изучению иностранных языков, машинописи, шитья и вязания. Для ремесленно-кустарного и частного промышленного производства предусматривалось шесть разрядов, в зависимости от количества работников и наличия механизмов: I – до 3 чел. (200 руб.); II – до 7 чел. (500 руб.); III – от 8 до 15 чел. (1 тыс. руб.); IV – более 15 чел. или до 5 чел. с механической установкой

(1,5 тыс. руб.); V – до 15 чел. с механическими установками (2 тыс. руб.); VI – более 15 чел. с механическими установками (3 тыс. руб.). Два ученика до 18 лет засчитывались за одного рабочего. Для индивидуального производства без механического оборудования выделялось два разряда, в зависимости от его места: I – в своей квартире (100 руб.); II – в отдельном помещении (200 руб.). [6].

Целесообразно сопоставить приведенные сведения с ценами и зарплатами на оккупированной территории юга России. Зарплата неквалифицированного рабочего в период оккупации региона в среднем составляла 100–200 руб., квалифицированного рабочего – 200–400 руб., специалиста – 400–700 руб., районный атаман (бургомистр) получал 2 тыс. руб. Цена 1 кг хлеба и картофеля в конце лета – начале осени 1942 г. была официально установлена в 1–2 руб., мяса – в 10–15 руб., 10 яиц – в 5–8 руб. [7]. Впрочем, рыночные цены превосходили официальные на порядок, особенно в конце оккупации. Так, в Краснодаре в декабре 1942 г. цена за 1 кг хлеба на рынке выросла до 100–200 руб., мяса – до 180–220 руб., 10 яиц – до 250–300 руб. [8]. Таким образом, средний житель региона при определенной мобилизации имевшихся у него ресурсов оказывался вполне в состоянии получить патент на индивидуальное и даже мелкое кустарное производство с 1–3 работниками в сфере бытовых услуг, а открытие более крупного предприятия, оснащенного механизмами, могли позволить себе только очень обеспеченные люди или коллективы пайщиков.

Источники официального и личного происхождения свидетельствуют о том, что многие жители юга России, особенно бывшие рабочие и служащие, воспользовались представившейся им возможностью и в период оккупации занялись пошивом и ремонтом одежды и обуви, открыли фотоателье, парикмахерские, оказывали другие услуги. Так, 62-летний дорожный мастер П.З. Маркосянц во время оккупации Майкопа получил патент на открытие частной мастерской по ремонту часов [9]. Желающих завести собственное дело оказалось так много, что в Таганроге в январе 1943 г. выдача патентов была вообще прекращена [10]. В различных городах юга России широко открывались частные предприятия, магазины, рестораны и кафе, в числе учредителей и пайщиков которых нередко выступали сотрудники местных органов власти и управления, использовавшие служебное положение в целях личного обогащения. В частности, один из заместителей бургомистра Краснодара Хотов открыл ресторан «Фортуна», другой, Петров, являлся совладельцем ресторана «Кавказ» [11].

В Ставрополе всего через неделю после оккупации города, 10 августа 1942 г., уже было сдано в аренду 30 помещений, а к середине сентября здесь был зарегистрирован 421 кустарь 42 профессий [12]. В г. Минеральные Воды к началу декабря 1942 г. городская управа выдала 425 патентов на право ведения предпринимательской и торговой деятельности [13]. В Пятигорске 979 чел. стали владельцами частных магазинов, ресторанов, мастерских, ателье [14]. Уже к 14 августа 1942 г. (или через пять дней после оккупации) было подано 87 заявлений на аренду помещений, в том числе: 15 торговых точек, 13 слесарных, электро- и часовых мастерских, 12 сапожных мастерских, 10 закусовых и столовых, 7 комиссионных магазинов, 5 пищевых предприятий, 1 фотоателье и 1 портняжная мастерская [15].

В оккупированном Краснодаре только за 10 дней сентября 1942 г. районные управы выдали свыше 500 разрешений частным лицам, товариществам и кустарям на открытие торговых и кустарных предприятий. К концу сентября в Краснодаре уже работало около 200 парикмахерских и три комиссионных магазина [16]. К началу октября количество частных предприятий выросло до 587, а в стадии рассмотрения в финансовом отделе городской управы находилось еще 300 заявлений [17].

В Майкопе 28 сентября 30 чел. объединились в товарищество «Обувщик», получившее от городской управы швейные машины, сапожные верстаки, кожевенные отходы и помещение для работы. В городской газете, прославлявшей успехи данного предприятия и высокие заработки его работников, отмечалось, что по прежним расценкам артельный мастер за пошив хромовых сапог получал 33 руб., а по ценам, ус-

тановленным городской управой – 130 руб. Среднемесячный заработок мастера, составлявший 600 руб., из которых половину он выплачивал государству в виде различных налогов, в период оккупации вырос до 1 тыс. руб. К 25 ноября товарищество выполнило почти 600 заказов, в том числе 90 – от военнослужащих вермахта [18]. Во второй половине октября – начале ноября 1942 г. в Майкопе было открыто три комиссионных магазина [19].

Желание населения активно включиться в хозяйственную жизнь подтверждают и итоги торгов, проведенных в октябре 1942 г. городской управой Краснодара. Начальная цена в 8–15 руб. за 1 кв. м арендуемой площади киосков, ларьков и помещений была значительно превышена и составила: 20 руб. за 1 кв. м для парикмахерских; 100 руб. за 1 кв. м для булочных, продовольственных магазинов и ларьков; по 140–160 руб. за 1 кв. м для пошивочных и сапожных мастерских; по 160–220 руб. за 1 кв. м для закусовых, шашлычных, кафе. В городской газете «Кубань» этот обзор прошедших торгов заканчивался показательным сравнением: «В доход города уже поступило около 500 тыс. рублей (за 2–3 месяца аренды), т.е. эти доходы получены за время, за которое при большевиках требовалось 8–9 месяцев» [20].

Несмотря на декларирование свободы рыночных отношений, оккупационные власти строго контролировали развитие сферы бытовых услуг административно-правовыми и финансово-налоговыми методами, регламентируя прейскурантами и специальными инструкциями не только цены, но и порядок работы. В Майкопе промышленный отдел городской управы строго предупреждал всех ремесленников и товарищества по ремонту и пошиву обуви, фотографов, парикмахеров и чистильщиков обуви о необходимости получить в 2-дневный срок утвержденные прейскуранты, в ином случае их могли лишить права производства [21].

Немало внимания уделялось даже внешнему виду предприятий бытовой сферы. Будущий владелец магазина, кафе или фотоателье был обязан предварительно согласовать с городским архитектором оформление фасада и общий вид строения [22]. Бургомистр Таганрога Н.П. Ходаевский 31 декабря 1941 г. издал специальное распоряжение «О вывесках на торгово-промышленных предприятиях». Согласно данному документу все владельцы частных государственных и кооперативных предприятий должны были сделать соответствующие вывески на занимаемых помещениях, на которых требовалось указать вид занятий, данные о них, а также время работы. При этом в обязательном порядке вывеска должна была иметь сверху текст на немецком языке, а ниже – на русском [23].

Через жилищный отдел управы городские власти строго наказывали виновных в самовольной переделке арендуемых помещений. Так, в Пятигорске приказом бургомистра Орлова три предпринимателя были оштрафованы на общую сумму в 52 тыс. руб. Договоры на аренду занимаемых ими помещений были признаны расторгнутыми [24].

Существенное внимание при выдаче патентов уделялось реализации интересов военнослужащих вермахта, что привело к созданию для них отдельных предприятий и учреждений бытовой сферы. Надпись «Nur o für der Deutschen!» («Только для немцев!») можно было встретить в самых разных местах – ресторанах и кафе, парикмахерских и банях, библиотеках и даже лавочках в местном парке. Так, в Таганроге солдатам и офицерам вермахта рекомендовалось посещать парикмахерскую К. Касьяна, которая имела «хорошую репутацию» [25]. Цены в ней практически не отличались от тех, которые существовали для советских граждан, но указывались в германских марках и пфеннигах: бритье стоило 10 пфеннигов (1 руб.), стрижка волос – 30 пфеннигов, стрижка с мытьем головы – 50 пфеннигов [26]. При этом парикмахерские для военнослужащих вермахта должны были находиться на расстоянии не более чем в 20 мин. ходьбы от воинской части. Посещение парикмахерских, обслуживавших солдат и офицеров вермахта, местным населением уже не допускалось.

Из 10 таганрогских бань, действовавших в период оккупации, три использовались военными вермахта [27]. Для стирки нательного и постельного белья частей вермахта были открыты специальные прачечные. Вследствие дефицита моющих средств в них полагалось предоставлять 25 г мыла на 1 кг белья [28]. Обслуживанием германских лазаретов и починкой военной формы занималось особое объединение прачек. Состав прачек в нем не был постоянным, а зависел от того, сколько поступало белья из лазаретов и от самих военнослужащих [29].

Таким образом, время нацистской оккупации составило особый период в истории сферы бытовых услуг на юге России, главные особенности которого определялись, с одной стороны, политикой оккупационных властей, с другой, реальными потребностями населения. Свобода предпринимательской деятельности способствовала развитию сферы услуг, оказавшемуся даже более успешным, чем ряд других секторов экономики захваченных советских территорий, значительно пострадавших вследствие эвакуации и боевых действий. Во-первых, сфера бытовых услуг не требовала крупных инвестиций, рассчитывать на которые в условиях оккупации не приходилось. Наиболее оптимальной формой организации производства в системе бытового обслуживания населения выступало малое частное или индивидуальное предприятие, не требовавшее значительных капиталовложений. Во-вторых, данная сфера позволяла получать небольшую, но стабильную прибыль в краткие сроки, что в экстремальных условиях военного времени имело несомненную привлекательность перед долгосрочными и дорогостоящими экономическими проектами.

Главным ограничением в развитии сферы услуг в рассматриваемый период стало снижение доходов и покупательной способности населения. Нехватка средств вынуждала многих жителей региона использовать натуральную систему оплаты или вообще обходиться собственными силами и средствами в ремонте одежды и обуви, стрижке волос, решении других бытовых вопросов. Хотя оплата за них на протяжении всего времени оккупации в предприятиях бытовой сферы взималась невысокая, для значительной части населения региона главной задачей в условиях оккупационного режима становилось выживание, тесно связанное с жесткой экономией практически во всем.

К тому же и срок оккупации большей части территории юга России оказался достаточно кратким. Ее освобождение советскими войсками сопровождалось арестами многих граждан, открывших собственные предприятия или проявивших иную предпринимательскую активность в условиях «нового порядка» по стандартным обвинениям в измене Родине. Впрочем, если правоохранительные органы не находили в действиях обвиняемых состава преступлений (фактов выдачи коммунистов и партизан, снабжения частей вермахта продуктами и товарами, насилий по отношению к другим жителям и др.), то в большинстве случаев их освобождали от ответственности. Так, следствие не установило никаких материалов о «преступной деятельности» по делу уже упоминавшегося часовщика П.З. Маркосьянца (в мастерской он работал лично, не использовал наемный труд). Поэтому он был освобожден из-под стражи, а дело сдано в архив [30]. Тем не менее, возвращение советских порядков свидетельствовало о наступлении совершенно другого периода в развитии сферы услуг на юге России.

Примечания:

1. Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе. Дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. 242 с.; Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. 242 с.; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2003. 564 с.; Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации

(1942–1943 гг.): малоизвестные страницы / Сборник документов. Авт. предисл. и авт.-сост. А.А. Черкасов. Сочи: Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела, 2003. 69 с.; Черкасов А.А., Зайцев А.М. Кубанское казачество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): патриотизм и коллаборационизм // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Материалы Всерос. науч.-метод. конф., г. Сочи, 21–22 февр. 2002 г. / М-во образования РФ, Соч. гос. ун-т туризма и курорт. дела, Соц.-пед. ин-т; Отв. ред. Т.А. Сидорова. Сочи: РИО СГУТиКД, 2003. С. 108–110; Черкасов А.А. Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации 1942–1943 гг. (по данным Центрального штаба партизанского движения) // Война в истории и судьбах народов Юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны: Материалы Международной научной конференции. 1–2 июня 2011 г. Ростов-на-Дону, 2011. С. 216–219 и др.

2. Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 46.

3. Линец С.И. Указ. соч. С. 214.

4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

5. Майкопская жизнь. Газета Майкопской городской управы. Майкоп. 1942. 18 окт.

6. Заря. Газета городского управления г. Эссентуки. Эссентуки, 1942. 26 сент.

7. Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 190–191.

8. Екатеринодар – Краснодар. 1793–1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Кн. изд-во, 1993. С. 603.

9. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГУ НАРА). Ф. Р-569. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

10. Бочкарева З.В. Некоторые аспекты состояния промышленности Северного Кавказа в период фашистской оккупации // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 2. Сб. науч. ст. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. С. 148.

11. Екатеринодар – Краснодар. 1793–1993... С. 603.

12. Линец С.И. Указ. соч. С. 215.

13. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-2591. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

14. Бочкарева З.В. Указ. соч. С. 147.

15. Пятигорское эхо. Газета городской управы г. Пятигорска. Пятигорск. 1942. 15 авг.

16. Кубань. Газета краснодарской городской управы. Краснодар. 1942. 26 сент.

17. Там же. 3 октября.

18. Майкопская жизнь. 1942. 25 ноября.

19. Там же 9 ноября.

20. Кубань. 1942. 18 октября.

21. Майкопская жизнь. 1942. 18 окт.

22. Линец С.И. Указ. соч. С. 215.

23. Новое слово. Таганрогская городская газета. Орган управления бургомистра г. Таганрога и Таганрогского округа. 1942. 31 декабря.

24. Кавказский вестник. Газета краевого управления Ставрополя. Ставрополь. 1942. 11 декабря.

25. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 232. Л. 29.

26. Там же. Д. 33. Л. 8.

27. Там же. Д. 232. Л. 2.

28. Там же. Л. 32.

29. Там же. Ф. Р-527. Оп. 1. Д. 3. Л. 1а.

30. ГУ НАРА. Ф. Р-569. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

Domestic Services during Nazi Occupation of Southern Russia in 1941–1943: State and Possibilities for Development

¹ Evgeny F. Krinko

² Tatyana G. Kurbat

¹ Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

41 Chekhova Str., Rostov-on-Don 344006

Doctor of History

² Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

41 Chekhova Str., Rostov-on-Don 344006

Junior researcher

Abstract. The article discloses major features of domestic services development during Nazi occupation of Southern Russia. They were formed under the influence of occupation authorities' policy on the one hand and the public demand for these services on the other hand. Proclamation of freedom of enterprise promoted the domestic services development, but it was restricted by public low purchase power.

Keywords: domestic services, Great Patriotic War, occupation policy, service industry, south of Russia.

UDC 94
